

ДЕСНИЦКАЯ А. В.

ТЕОРИЯ РАННЕЙ СТУПЕНИ НОМИНАТИВНОГО СТРОЯ
(О труде С. Д. Кацнельсона
«Историко-грамматические исследования»)

«Историко-грамматические исследования» [1] — один из наиболее значительных и важных трудов С. Д. Кацнельсона, завершивший необычайно яркий и творчески напряженный этап исследовательской деятельности замечательного ученого, ярко отмеченный расцветом его научного таланта. Напомню кратко о содержании этой книги, имеющей весьма солидный объем — около двадцати авторских листов. После обширного теоретического Введения, в котором излагается общая грамматическая концепция автора (морфология языка; различие флективной и нефлективной морфологии; части речи и члены предложения; смысловая структура слова и синтаксические отношения), следует основной текст исследования, озаглавленный «Из истории атрибутивных отношений». Он состоит из трех больших разделов: 1) Партитивное определение; 2) Происхождение имен плагативных; 3) Предикативный атрибут. Материалом для лингвистического анализа послужил язык древнеисландских поэтических (песни Эдды) и прозаических (родовые саги) памятников.

В кратком предисловии С. Д. Кацнельсон писал: «Основная задача этой работы — раскрыть важнейшие закономерности развития грамматического строя в эпоху разложения первобытно-общинного и возникновение классового общества в том специфическом проявлении, в котором эти закономерности выступают в древне-исландском языке» [1, с. 5].

Опубликованный в рассматриваемой книге текст должен был, по идее автора, составить первую часть широко задуманного исследования, в котором С. Д. Кацнельсон предполагал далее осветить вопросы истории субъектно-объектных, предикативных, обстоятельственных и модальных отношений в рамках той же эпохи. К сожалению, этот грандиозный план не был осуществлен. Более того, судьба опубликованной части задуманного труда сложилась неблагоприятно. Талантливая книга С. Д. Кацнельсона не только не оказала влияния на развитие историко-типологических исследований у нас в стране и не заняла подобающего ей места в истории отечественного и мирового языкознания, но фактически осталась малоизвестной. Это обусловлено тем, что она была подписана к печати в декабре 1949 г. и вышла в свет собственно к моменту начала известной лингвистической дискуссии 1950 г. Я не знаю, какова была судьба тиража, дошел ли он полностью до читателей. Печальным фактом явилось то, что книга, содержавшая оригинальный опыт творческого развития стадияльно-исторической концепции языка и мышления, оказалась в числе осуждаемых с точки зрения наивного традиционализма, который приобрел на ряд лет официальный статус в нашем языкознании под знаком так называемого «сталинского учения о языке». Отрицательным моментом, поставившим под удар труд С. Д. Кацнельсона, были, в частности, содержав-

шиеся во Введении позитивная оценка и интерпретация некоторых идей акад. Н. Я. Марра (главным образом, по вопросам семантики). О характере ситуации, сложившейся после выступления Сталина в качестве участника лингвистической дискуссии, можно судить и по тому факту, что в 1950 г. С. Д. Кацнельсон был исключен из числа сотрудников Академии наук и был вынужден искать себе работу за пределами Ленинграда (несколько лет он проработал профессором Педагогического института в городе Иваново).

Настало время оценить в полном объеме научное значение трудов С. Д. Кацнельсона — одного из классиков советского языкознания. И с этой точки зрения книга «Историко-грамматические исследования», в которой смелость и оригинальность научной мысли соединились с глубоким и детальным анализом огромного языкового материала древних текстов, заслуживает самого пристального внимания.

В краткой статье нет возможности осветить все богатство содержания этого труда, проследить развитие излагаемых в нем идей, связанных с общей теоретической концепцией автора. Книга «Историко-грамматические исследования» уже принадлежит истории науки, и как всякое выдающееся явление в области духовной культуры она нуждается в историческом изучении, целью которого должны стать выявление и анализ внутренних и внешних творческих контекстов, в которых осуществилось ее создание. Поэтому необходимо обратиться к истокам тех идей, которые получили воплощение в рассматриваемом научном произведении, а также к той научной ситуации, которая способствовала развитию отразившегося в ней направления научных поисков.

Чтобы понять, как сложился комплекс идей, составивший теоретическое содержание рассматриваемого труда, завершившего собой определенный этап научных исканий С. Д. Кацнельсона, целесообразно обратиться к другой книге, созданной им в начале его научного пути, в которой начинающий лингвист с первых шагов показал себя оригинальным и теоретически мыслящим исследователем. Имеется в виду кандидатская диссертация С. Д. Кацнельсона «К генезису номинативного предложения», защищенная в 1935 г. и опубликованная как монографическое исследование [2]. Это был существенный вклад в разработку теории эргативного строя предложения, волновавшей в 30-е годы умы многих лингвистов. Проблема так называемой «эргативной конструкции» (термин, впервые введенный А. Дирром), естественно, стояла прежде всего в центре интересов кавказоведения, которое в период 20—30-х годов было одной из приоритетных отраслей советского языкознания. Предметом пристального внимания и опытов интерпретации стали варианты эргативной конструкции, представленные в грамматических описаниях отдельных кавказских языков, — в трудах П. Услара, Л. И. Жиркова, Н. Ф. Яковлева, А. Дирра, Г. Детерса и др., а также в специальных исследованиях проблемы, принадлежавших Х. Шухардту и К. Уленбеку, в которых, помимо кавказских, исследовались факты других языков, обладающих указанной конструкцией предложения, в частности баскского и языков индейцев Северной Америки.

В 1934 г. выдающийся молодой кавказовед Анатолий Бокарев защитил кандидатскую диссертацию специально на тему «О так называемом пассивном характере аварского глагола». Популяризации темы эргативности содействовали статьи и выступления С. Л. Быховской.

Н. Я. Марр, хотя он и не был грамматистом, проявил интерес к указанной проблеме, сперва в плане поисков общих «яфетических» корней

у кавказских языков с баскским, а затем в аспекте стадияльных сближений. И. И. Мещанинов в своих трудах 30-х годов, посвященных стадияльной типологии, интерпретировал эргативный строй предложения как особое стадияльное состояние универсального характера. В широком научном контексте характерного для периода 30-х годов обостренного внимания многих лингвистов к проблеме эргативности следует трактовать активное участие в ее разработке и двух молодых германистов — С. Д. Кацнельсона и М. М. Гухман [3], начинавших свою аспирантскую подготовку под руководством самого Н. Я. Марра.

Привлечение германистов к работам возглавлявшегося им лингвистического института не было для Марра случайным. В этом факте отразился его довольно давний интерес к германским языкам, в особенности к немецкому и готскому. В начале 20-х годов этот интерес, возникнув под влиянием тесных научных контактов с Ф. А. Брауном, возглавлявшим до 1917 г. кафедру германистики в Петербургском университете, имел характер поисков «яфетического» (иначе говоря, доиндоевропейского) субстрата в германских языках [4], что явилось своеобразным откликом на аналогичные идеи, возникавшие в германистике того времени. Однако позднее, в связи с общей эволюцией своей концепции, Н. Я. Марр в работах начала 30-х годов попытался отвести германским языкам особое место в построении теории «единства языкотворческого процесса», иными словами — в постулировавшейся им весьма неопределенной схеме стадий языкового развития, в которой причудливо и хаотически смешивались элементы типологической и генеалогической классификаций языков мира.

Для этого периода были характерны специальные статьи Марра о германских языках [5] и особенно [6], ср. [7]). Марр писал: «Немецкий язык (так же как, разумеется, каждый из прочих так называемых германских языков) представляет своеобразную структуру переходной ступени стадияльного развития от яфетической системы к прометеидской. Различные моменты своеобразия структуры именно немецкого языка в целом находят поддержку, разъяснение и оправдание в различных языках яфетической системы. Главное же своеобразие немецкого языка прослеживается уже не по частям, а в целом со структурой определенных языков яфетической системы, собственно их слоев на Кавказе и в Пиренеях» [7, с. 316]. И там же: «Своеобразие структуры немецкого языка, национально называемого „deutsch“, отнюдь не определяется подбором особенностей прометеидской (т. е. общей так называемой индоевропейской, индогерманской, также арийской) системы или общегерманской ее разновидности, не говоря о том, что подлежат коренному пересмотру признаки принадлежности к этой системе и круг языков, входящих в их состав полностью или в известной строго очерченной степени» [7, с. 322].

Хотя с точки зрения теории и строгих методов сравнительного языкознания изложенная в приведенных высказываниях точка зрения не является приемлемой, т. к. она отражает фантастичность и лингвистический дилетантизм общей концепции Н. Я. Марра, тем не менее нельзя не признать, что занятая влиятельным в то время ученым позиция по отношению к германским языкам давала своего рода индульгенцию для более или менее свободной разработки проблем германистики в довольно широких рамках так называемой стадияльной теории «нового учения о языке». Если в 20-е годы тематика научных работ основанного Марром лингвистического института («Яфетического института») концентрировалась преимущественно вокруг кавказоведения, то в 30-е годы — уже в «Институте языка

и мышления» (переименование, предложенное самим Марром) — разработка проблем германистики (собственно одной из частей индоевропейского языкознания) входит в планы работ в качестве одного из главных направлений. Напомню в этой связи, что сам Н. Я. Марр незадолго до своей смерти лично пригласил В. М. Жирмунского руководить работой германистов¹.

Если говорить о факторах, способствовавших расцвету исторической германистики у нас в стране в период 30—40-х годов, то в качестве одного из них нельзя не упомянуть о благожелательной позиции, занятой по отношению к этим работам самим Н. Я. Марром, в известной степени стимулировавшим разработку проблем исторической типологии грамматического строя на материале германских языков.

Итак, С. Д. Кацнельсон начал свой научный путь в Институте языка и мышления Академии наук, будучи аспирантом самого Н. Я. Марра, призванным обнаружить в германских языках путем специального лингвистического анализа следы более ранних языковых состояний. Так возникла тема «К генезису номинативного предложения», хорошо согласовавшаяся с историко-типологическим направлением работ Института, заметно определившимся под руководством И. И. Мещанинова в период 30-х годов.

Интерпретируя (выборочно) высказывания Марра о германских языках, С. Д. Кацнельсон старался усмотреть в них анализ «разностадийных идеологических связей, заложенных в строе немецкой речи», «стремление объяснить архаичность языковой структуры и сигнализируемой ею стадии мышления как продукт архаичной общественной формации». Он писал: «...хотелось бы отметить, что прослеживая развитие строя немецкого языка, Н. Я. в ряде мест „Нового поворота е.с.“ вплотную подходит к проблеме стадийности синтаксиса и, конкретно, к проблеме отражений эргативного строя в немецком» [8].

Книга [2], как уже говорилось, представляет собой текст кандидатской диссертации С. Д. Кацнельсона, защищенной им в 1935 г. В своей общетеоретической части она содержит критический обзор существующих точек зрения и изложение собственного взгляда на проблему эргативной конструкции как особого типа строения предложения. Специальные главы работы автор посвятил рассмотрению архаических особенностей структуры германских языков, которые он надеялся определить как реликты предположительно существовавшего некогда эргативного способа выражения субъектно-объектных отношений. Автор отвлекается от известных ему более ранних попыток обнаружить в грамматическом строе индоевропейских языков вообще следы архаичной конструкции предложения, сходной с так называемой эргативной (в работах А. Ф. Потта, К. Уленбека и др.). Он сосредоточивает свое внимание исключительно на фактах германских языков, анализируя явления, относящиеся к разным разделам грамматики. Предметом его рассмотрения явились: 1) супплетивность падежей личных местоимений в германских языках; 2) безличные глаголы и генезис номинативного предложения; 3) номинативное предложение и залого.

В выборе конкретных объектов лингвистического анализа С. Д. Кацнельсон уже в этом своем первом исследовании обнаружил характерные для него на протяжении всей дальнейшей научной деятельности оригинальность и «первичность» подхода к языковому материалу. Ему, несом-

¹ О состоявшейся беседе двух ученых мне известно со слов В. М. Жирмунского.

нено, удалось выделить в морфологии и синтаксисе древних германских языков некоторые архаические явления, восходящие к более ранним состояниям индоевропейской речи. Однако заранее поставленная задача интерпретации этих явлений в пользу исходного для автора положения о наличии пережитков эргативной схемы выражения субъектно-объектных отношений натолкнулась при ее осуществлении на сопротивление языкового материала, не дающего подтверждения такой типологической реконструкции. В очень содержательной и интересной главе, посвященной древнегерманской парадигме личных местоимений, автору, несомненно, удалось показать архаический характер этой парадигмы. Однако это не представило доказательств в пользу утверждения о былом существовании эргативной конструкции в германских (и вообще индоевропейских) языках. В главе о безличных предложениях С. Д. Кацнельсон указывал, что к моменту своего возникновения безличная конструкция «служит для выражения ситуации, в которой субъект, по нормам мышления того времени, либо непосредственно не дан, либо дан лишь как второй, второстепенный субъект, причем сознание необходимо уже предполагает наличие в каждом акте мышления номинативного субъекта». И далее он сам замечает, что безличная конструкция не должна рассматриваться как пережиток эргативного строя и что возникновение ее связано уже с наличием выработавшегося именительного падежа субъекта. Тем самым она является категорией слагающегося или уже сложившегося номинативного строя и не может служить доказательством в пользу гипотезы об эргативной стадии. Автор подчеркивал, что здесь речь должна идти о начальных эпохах возникновения номинативного строя, который развился из некоего более раннего типа. Однако само по себе это не дает оснований реконструировать эргативную конструкцию как более ранний тип синтаксического построения.

Главное внимание С. Д. Кацнельсон сконцентрировал на известном факте залоговой двойственности перфективных причастий с суф. *-to-* и *-no-*, в морфологическом составе которых он предположил наличие местоименных показателей *-t-* и *-n-*, обладавших, по его мнению, пассивным значением. Именно эти причастия он и считал возможным рассматривать как непосредственный остаток глагольных форм эргативного строя. Анализ значения и употребления причастий с суф. *-to-* и *-no-* не давал, однако, оснований согласиться с выдвинутой С. Д. Кацнельсоном гипотезой. Индоевропейские причастия с этими суффиксами первоначально представляли собой прилагательные, связанные с соответствующими глаголами общностью выражаемого признака. Значения «активности» и «пассивности» первоначально определялись в них в основном лексически, в зависимости от семантики глаголов. Грамматическое противопоставление этих категорий захватило указанный тип причастий лишь в связи с образованием описательных форм страдательного залога, но никак не являлось унаследованным в таком виде от предполагавшейся автором эргативной стадии. Таким образом, значение прилагательных с суф. *-to-* и *-no-* не требует для своего исторического объяснения обращения к эргативной конструкции, чем снимается доказательность главного аргумента, выдвинутого С. Д. Кацнельсоном для обоснования гипотезы об эргативном прошлом германских языков.

В то же время анализируемые в этой книге явления, как и многие другие элементы грамматической структуры древних индоевропейских языков, дают основания восстановить черты ранней ступени номинативного строя, что и становится в дальнейшем магистральной темой исследова-

ний С. Д. Кацнельсона, определившейся, таким образом, уже как позитивный результат его первого специального труда. Выход этого труда имел большой научный резонанс. Однако широкое внимание привлекла не столько германистическая его часть, сколько часть, посвященная общей теории эргативности, состоявшая из глав: 4. «Эргативная конструкция» и 5. «Объективное и субъективное в первобытном сознании (экскурс в область истории сознания)».

С характерной для него остротой критического анализа С. Д. Кацнельсон рассмотрел ряд выдвинутых до него интерпретаций и постарался сформулировать собственный взгляд на проблему эргативной конструкции предложения и определить историческое место этой конструкции в общем процессе развития грамматического строя языков. Он писал (на основе обзора существующих точек зрения): «...вчерне наметились по меньшей мере три стадии в развитии предложения: стадия эргативного строя, древний тип номинативного строя и вырастающее из него предложение современного типа» [2, с. 7]. Развивая положение о том, что появлению номинативного строя, представленного в настоящее время в большинстве языков мира, должен был предшествовать эргативный строй как более ранняя стадия в развитии предложения, он объявлял тем самым стадияльно-универсальный характер этого типа структуры предложения. Стадияльно-типологический подход к проблеме развития строя предложения был ярко выражен в следующих словах: «Сопоставление конструкций предложения в языках различных систем вскрывает, при различии морфологического оформления, единообразие их семантического и синтаксического содержания на одной и той же стадии общественного развития — единообразие, которое покоится на единстве происхождения и развития человеческого мышления» [2, с. 9].

Возникновение эргативного строя С. Д. Кацнельсон связывал с выработкой понятия о способности предметов к действиям, причем действительность мыслилась не как имманентно присущее им свойство, но как случайное для них состояние, в которое они попадают помимо своей воли. В этой случайности, неимманентности действия как свойства, приходящего к предметам извне, он, вслед за Уленбеком, усматривал нечто подобное понятиям «мана» или «оренда», выявляющим примитивные представления о свойствах предметов выступать «носителями действительного начала». Как и Уленбек, он считал, что в становлении эргативной конструкции с активным падежом субъекта действия определяющим моментом должно было послужить производившееся первобытным сознанием разделение предметов на «активные» и «пассивные».

С внешним источником действительной силы С. Д. Кацнельсон довольно неопределенно связывал один из наиболее ярких формальных признаков эргативной конструкции переходного глагола — постановку агенса в особом активном (эргативном) падеже, принадлежащем к числу косвенных. При этом обнаруживалась известная неясность сформулированной им точки зрения, проявившаяся в двойственном отношении к наиболее близкой его взглядам концепции Уленбека. В целом принимая ее и соответственно связывая понятие «внешнего» характера «действительности» лица и предмета с первобытными представлениями типа «мана» или «оренда», С. Д. Кацнельсон в то же время критиковал эту концепцию, считая ее привносящей религиозный момент в объяснение происхождения транзитивной конструкции эргативного строя (эманация скрытой силы, определяющей «активность действующего предмета», соответственно «*casus energeticus* = *casus emanativus*»). Тем самым оставалось до конца не рас-

крытым предложенное им определение «внешнего» характера действительности, благодаря которому «к чистому представлению о предмете прибавлялось какое-то новое отношение» [2, с. 92].

При неясности в определении генезиса эргативной конструкции оставался в сущности не раскрытым такой формально определяющий признак эргативной конструкции, как косвенный падеж действующего лица при переходном глаголе. Иначе говоря, теория «эргативности» как изучения стадии в развитии строя предложения в сущности отрывалась от комплекса фактов, представленных во многих современных языках, обладающих так называемой эргативной конструкцией предложения.

Создавшейся тупиковой ситуации, вероятно, не мог не сознавать сам С. Д. Кацнельсон, хотя он упорно продолжал называть себя «эргативистом». Углубляя изучение как данного вопроса, так и большого комплекса проблем, связанных с генезисом и древнейшим этапом в развитии номинативного строя предложения, он все дальше уходил от упрощенных представлений об универсальности «эргативной стадии». Погружаясь в изучение новых для него языковых материалов и переходя к многоаспектному рассмотрению особенностей языковых структур в их соотношении с характером мыслительных процессов, С. Д. Кацнельсон уже к концу 30-х годов вырабатывает новые подходы к изучению лингвистических фактов, блестяще примененные им в труде [1] и в ряде статей, написанных в 40-е годы.

Хотя и не отказавшись от ставшей в 30—40-е годы в известной мере традиционной теории о стадийном характере эргативности, С. Д. Кацнельсон сделал необходимые шаги для преодоления того, что было в ней явно неубедительным и примитивным. Назову здесь эти шаги.

1. Уже в работе [2] С. Д. Кацнельсон устанавливает четкое различие между «актуальной» и «пережиточной» эргативностью, иначе говоря, между «эргативной конструкцией», сохранившейся во многих языках мира, и «эргативным строем», «существовавшим на более ранних этапах общественного развития в соответствии с более примитивным уровнем сознания». «Не следует смешивать, — писал он, — ту или иную конструкцию со строем предложения. Строй предложения в огромном большинстве языков мира номинативный» [2, с. 103]. С этой точки зрения пережиточными следует считать как эргативные конструкции в языках Северного Кавказа, так и черты эргативного строя, обнаруживаемые, по его мнению, в индоевропейских и других языках.

2. Хотя формально не отказавшись от утверждения о наличии остатков «эргативной стадии» в германских и других индоевропейских языках, С. Д. Кацнельсон в сущности прекратил непосредственные научные поиски в этом направлении. Снова обратившись к проблеме эргативности в середине 40-х годов, он разрабатывал ее далее исключительно на материале языков аборигенов Австралии, в особенности на основе текстовых записей языка племени аранта. Так, мы читаем в статье [9]: «В настоящее время есть возможность прямее определить различие между действительно архаической эргативной структурой предложения и пережиточной эргативной конструкцией. Эта возможность возникла благодаря научной разработке языка австралийского племени аранта, в котором архаическое эргативное предложение является живой нормой».

В историко-типологическом плане С. Д. Кацнельсон выделяет в качестве древней языковой стадии, к которой может быть отнесено возникновение эргативного строя предложения, стадию «первобытно-образной речи», в свою очередь соответствующую стадии «первобытно-образного мышле-

ния». Характер мышления и речи на этом древнем этапе развития были тогда же оригинально интерпретированы С. Д. Кацнельсоном в очень ярко и талантливо написанном исследовании ([10], с. 41), материалом для которого в основном послужили также текстовые записи языка племени аранта. В основе анализа лежало положение о качественном полисемантизме первобытно-образного имени как «единого предметно-качественного обозначения».

За состоянием первобытно-образной речи следует, согласно теории, развивавшейся Кацнельсоном, «эпоха чувственно-сущностной речи и мысли», за которой далее осуществляется поворот в развитии мышления, связанный уже с «переходом к классовому обществу, когда вырабатывается понятийное мышление позднейших эпох, которое, в свою очередь, обнаруживает ряд последовательных стадий в своем развитии» [1, с. 72].

3. Важнейшим для основного направления историко-типологических исследований грамматического строя явился переход к разработке проблемы «древнего номинативного строя», что непосредственно вытекало из предложенной С. Д. Кацнельсоном новой концепции языковых стадий. Этот переход осуществился уже во второй половине 30-х годов — в процессе работы над текстом докторской диссертации, защищенной С. Д. Кацнельсоном в 1939 г. и озаглавленной «Номинативный строй речи. 1. Атрибутивные и предикативные конструкции». Материалом для этого нового — как по задачам, так и по методу — исследования явился язык поэтических и прозаических древнеисландских текстов, выделяющихся среди других памятников на древнегерманских языках не только богатством и оригинальностью, но также и значительным архаизмом языка и стиля. Состояние языка, представленное в древнеисландских текстах, С. Д. Кацнельсон считал характерным образцом древнего номинативного строя, который он соотносил со стадией «чувственно-сущностной речи», при наличии также пережиточных явлений, сохранявшихся от стадии «первобытно-образной речи».

Диссертационное исследование, законченное к 1939 году, составило (в части, касающейся атрибутивных отношений) основную часть труда С. Д. Кацнельсона, изданную в 1949 г. под названием «Историко-грамматические исследования». Задачи, решавшиеся автором этого труда, были следующим образом сформулированы во Введении. «Задача настоящего исследования заключается в определении исторического своеобразия синтаксиса древне-исландского языка сравнительно с предшествующими и последующими этапами его исторического развития. Выявление особенностей синтаксического строя постоянно требует проникновения в закономерный процесс становления грамматических категорий, восстановления картины дописьменного состояния языка на основании реликтовых явлений и раскрытия важнейших тенденций развития древнего языка по направлению к современности» [1, с. 69].

В книге получила отражение социологическая концепция, развивавшаяся автором применительно к предложенной им историко-типологической периодизации развития речи и мышления. «Первобытно-образное мышление вырастает, насколько можно судить, на базе практики общественного производства и общественного строя эпохи дикости. Приходящая ей на смену эпоха варварства со свойственными ей новыми типами производственной деятельности и общественными отношениями порождает новый строй мышления, проявляющийся в чувственно-сущностной речи. Древне-исландский язык как язык эпохи разложения доклассового

общества и зарождения классовых отношений дает опору для прослеживания процесса перестройки речи при переходе от первобытно-общинного строя к классовому. Вместе с тем многочисленные пережиточные явления в строе древнеисландского языка вынуждают исследователя ставить вопросы, связанные с предшествующим развитием языка вплоть до проникновения в глубь первобытно-образной речи». И далее: «Предпринимаемое здесь исследование строя древнеисландского языка предполагает, таким образом, рассмотрение синтаксических отношений в их историческом своеобразии как в сравнении с идеологически изжитыми и изживаемыми нормами мышления доклассового общества, так и в сопоставлении с нормами более развитого мышления классового общества. Прослеживание исторических закономерностей развития грамматического строя позволит уточнить характеристику отдельных эпох и вместе с тем глубже понять особенности развития специально интересующего нас здесь языка» [1, с. 72—73].

Принятие за основу характеристики описываемого языкового состояния жестко выраженной социологической схемы не нарушило, однако, строгости и ювелирной тщательности проведенного автором лингвистического анализа, который точнее всего может быть определен как стилистико-грамматический, с обостренным вниманием к вопросам семантики, притом не только грамматической, но и лексической.

В книге дано образцовое описание системы выражения атрибутивных отношений, интерпретируемой путем развернутого анализа фактов одного древнеисландского языка, представленного в едином хронологическом срезе, однако с учетом как архаических явлений, так и относительных инноваций. Проблематика, связанная с эргативной теорией, не получила никакого отражения в этом исследовании, и сам термин «эргативность» ни разу не встречается. Вводимое автором различие явлений, связанных с понятиями «чувственно-сущностной» и «первобытно-образной» речи, последовательно применяется при рассмотрении определенных моделей атрибутивных конструкций. Так, например, в главе о партитивном определении отдельно рассматриваются: 1) партитивные обороты на стадии чувственно-сущностной речи и 2) пережитки партитивных форм первобытно-образной речи. Теоретически важный и занимающий, естественно, больше всего места в книге раздел о прилагательных, включающий рассмотрение основных вопросов морфологии и синтаксиса германских прилагательных (бесчленное слабое прилагательное в древних германских языках; членные сочетания слабого прилагательного в Эдде; слабые и сильные прилагательные в языке древнеисландской прозы; определенный артикль; двойная флексия прилагательных и степени сравнения и др.) заключается обобщающим разделом: «Происхождение прилагательных и их развитие на стадии чувственно-сущностной речи». Как отправной момент развития автором предполагается специфическая для предшествующего этапа, а именно, для стадии «первобытно-образной речи», лексическая нерасчлененность предметных и качественных значений. «Одно и то же первобытное имя обозначает как предметы, так и их качества, и только из контекста явствует каждый раз, какое из значений имеется в виду» [1, с. 264]. И на новой ступени развития, т. е. на стадии характерного для анализируемых исландских текстов древнего номинативного строя, «...определение отличается еще рядом особенностей сравнительно с отношениями современной речи. Анализ материалов древнеисландского языка показал, что первоначально прилагательные были даны в виде двух грамматических разрядов — с у щ е с т в е н н ы х и н е с у щ е с т

в е н н ы х определений. Как явствует из материала, это разграничение принимало разные формы на разных этапах развития древней речи» [1, с. 266].

В постановке проблем и в методике синтаксического анализа обширного текстового материала заметно влияние труда А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», которым С. Д. Кацнельсон увлекался в годы написания своей докторской диссертации. Интерпретация грамматических взглядов Потебни применительно к фактам различных языков была одной из главных тем оживленных дискуссий, развертывавшихся в среде ленинградских лингвистов во второй половине 30-х годов, и замечательная книга выдающегося русского языковеда для многих была тогда настольной. Последний раздел труда С. Д. Кацнельсона «Историко-грамматические исследования», посвященный предикативному атрибуту, в отношении тематики и метода исследования непосредственно перекликается со вторым томом «Записок по русской грамматике», хотя и содержит некоторую критику отдельных положений этого знаменитого труда.

В обширном Введении, предпосланном аналитическим по методу главам «Историко-грамматических исследований», интерес представляет изложение общеграмматической концепции С. Д. Кацнельсона, в основном повторяющее содержание его известной статьи 1948 г. «О грамматической категории» [11]. В книге опубликован второй вариант вступительной статьи, заменившей собой первоначальный текст, который был непосредственно связан с основной темой труда С. Д. Кацнельсона и содержал развернутое изложение его концепции развития языковых стадий в их увязке со стадиями развития мышления. В этом изложении были использованы историко-этнографические факты и вообще была широко развернута философская и социально-историческая аргументация развивавшейся автором концепции стадильности. Замена текста вступительной статьи несомненно повредила цельности изложения историко-типологической проблематики, составляющей основное содержание книги С. Д. Кацнельсона «Историко-грамматические исследования». Более того, первый раздел опубликованного варианта Введения, озаглавленный «Н. Я. Марр о задачах историко-грамматического исследования» (с. 7—35), возможно, а скорее вероятно, послужил основной причиной того, что в условиях сталинской критики теории Марра выдающийся лингвистический труд С. Д. Кацнельсона не дошел в свое время до того широкого круга ученых-гуманитариев, на который он был рассчитан.

В настоящее время, при давно уже назревшей потребности в непредвзятом, полностью объективном изучении истории советского языкознания, представленная в книге С. Д. Кацнельсона подборка теоретических высказываний Марра представляет несомненный интерес. В данном случае интересны не столько сами по себе взгляды Н. Я. Марра, которые нуждаются в специальном, последовательном и объективно-критическом изложении, сколько избирательное отношение к ним со стороны образованного и оригинально мыслящего лингвиста, принимавшего в общей форме такое положение марровской концепции, как идея об общих исторических закономерностях развития человеческой речи, включая законы исторической семантики.

Книга С. Д. Кацнельсона «Историко-грамматические исследования», являющаяся в настоящее время, по-видимому, библиографической редкостью, должна по праву занять выдающееся место в развитии общей теории историко-типологических исследований. Как труд, посвященный детальному анализу системы средств выражения атрибутивных отношений в

древнеисландском языке, она должна занять подобающее ей место среди трудов по германистике. Для индоевропейского сравнительного языкознания это грамматическое исследование, проведенное на материале одного из древнегерманских языков и содержащее, в частности, рассмотрение вопросов поэтического синтаксиса, также может иметь непреходящее значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. I. Из истории атрибутивных отношений. М.—Л., 1949.
2. Кацнельсон С. Д. К генезису номинативного предложения. М.—Л., 1936.
3. Гужман М. М. Происхождение строя готского глагола. М.—Л., 1940.
4. Марр Н. Я. К вопросу об яфетидизмах в германских языках // Яфетический сборник. Т. I. Пг. 1922.
5. Марр Н. Я. Готское слово *gita* «муж» (К увязке готов с яфетическими народами Кавказа) // Изв. АН СССР. 1930.
6. Марр Н. Я. Новый поворот в работе по яфетической теории (Из результатов научной командировки в Германию) // Изв. АН СССР. 1931.
7. Марр Н. Я. Избранные работы. I. Л., 1933.
8. Кацнельсон С. Д. Н. Я. Марр и немецкий язык // Язык и мышление. Т. VIII. М.—Л., 1937. С. 276.
9. Кацнельсон С. Д. Эргативная конструкция и эргативное предложение // ИАН ОЛЯ. 1947. 1. С. 44.
10. Кацнельсон С. Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь // ИАН ОЛЯ. 1947. 4.
11. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.